

Евгений Костюченко



Миха и Мак

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Костюченко

Миха и Мак

<https://litres.ru/74684873>

SelfPub; 2026

Аннотация

Участие в ликвидации школьного архива круто изменяет траекторию жизни и учеников, и учителей.

Евгений Костюченко

Миха и Мак

МИХА И МАК

НАБЕРЕЖНАЯ.

Я его сразу узнал, хоть и прошло семь лет. Та же джинсовая курточка «Lee», карандашик за ухом. И музыка: переносная колонка на корме яхты выдавала довольно сносное звучание классической гитары.

- Виктор Андреевич! – закричал я через ограду причала.

Он поднял голову, оторвавшись от рулона бумаг, который был развёрнут на узкой палубе и придавлен двумя линейками.

- Вы меня помните? Я Никитин, переплётчик, помните? Архив разбирали, помните?

- Припоминаю... Кури-ильщик!

Курильщик?

Тогда мне было шестнадцать, и я не мог покупать сига-

реты. Да и не собирался, потому что мать, Царствия ей небеснаго, брала их блоками в Апраксином дворе, и когда я выуживал пачку, это было незаметно (надеюсь).

А что курить не только вредно, но и опасно – так это я давно знал. Примерно об этом, наверно, гласил лист А4. «Указ», «запрещается», «штраф». Лист был прискотчен к двери на чёрную лестницу колледжа. По этой лестнице некоторые студенты на обеденной перемене спускались во двор – как раз, чтобы покурить за деревьями и мусорными баками.

Но я шёл другим путём, наверх - там устраивался на широком подоконнике, доставал сигареты и ждал. Выше, за последним лестничным маршем, иногда открывалась дверь с табличкой «Архив. Не входить!». И на пороге усаживалась рыжая девушка в зелёном рабочем халате и белых джинсах. Она щелкала зажигалкой в тот самый момент, когда под сводчатым потолком начинал выть невидимый вентилятор. Тогда и я закуривал, и дым от моей сигареты уносился к потолку, вместе с её дымом.

Мы курили молча. Я читал и смотрел то в окно, то украдкой на неё. А она водила пальцем по смартфону, улыбалась, откидывала с глаз медно-рыжую чёлку.

Появилась она в сентябре, когда я был уже на третьем курсе. Среди работников я ее никогда не замечал, не встречал ни на входе, ни по дороге к колледжу. Она и в столовую не ходила – я проверял пару раз. Казалось, она существует

только здесь, в архиве.

По моему сценарию рано или поздно у неё сломается зажигалка, и я смогу подняться к ней со своей - и присесть рядом, и с этого момента всегда буду хотя бы сидеть с ней.

Да, хороший был сценарий.

КУРИТЬ ВРЕДНО, ПОДСЛУШИВАТЬ ПОЛЕЗНО.

- Вот ты где! – раздался снизу голос Максима Деркача. – А что на обед не пошёл? Я тебя обыскался.

Тут Деркач заметил, что открывается дверь архива, и осёкся. А Никитин сказал без особой радости:

- Ну вот ты меня и нашёл.

Деркач покосился на девушку.

- Короче. Бен, ай нид хелп.

(У Макса какие-то проблемы с мачехой, он сейчас кочует по друзьям.)

- Что, опять?

- Не опять, а снова.

- Твой угол всегда свободен.

- А матушка?

- Она и в субботу тебя не заметила, и сейчас не увидит.

- Да я на пару ночей. Батя в понедельник вернется.

В понедельник? Никитин задумался было, где же Мак собирается ночевать после пары ночей: сегодня среда, завтра четверг... Но решил, что это не его дело. И лицемерно обеспокоился:

- На обед не опоздаешь?

- Да ну его, - Деркач уселся на ступенях и достал айфон, повеселев и явно не собираясь уходить.

Девушка в зелёном халате присела на порог, достала из кармана пачку золотого «Мальборо». Вот она поднесла зажигалку к сигарете. Щелчок – осечка! Ещё раз, и ещё...

Никитин хлопал по подоконнику, пытаясь нащупать свою зажигалку. Она всегда лежала под рукой. Всегда, но только не сейчас! Пока он её искал, произошло неизбежное.

- Уно моменто, синьорита! – Деркач уже подносил ей огонь.

- О. Типа зиппо? – сказала девушка. - Спасибо.

Голос у неё оказался мягким, ласковым.

- Не типа. А «Зиппо», - Макс эффектно захлопнул свою зажигалку и присел рядом с девушкой.

«Как пара голубков, - ревниво подумал Никитин. – И уже воркуют».

- А что это за девчонка у тебя?

- Сама ты девчонка! Это Эля Свитолина! Моя богиня. А ты что, в Тиктоке зависаешь?

А Никитин остался (один, всегда один) на подоконнике.

«Всё идет по плану. Только план не мой».

Ему захотелось их нарисовать. Для надгробия на могиле мечты. Это был бы занятный рисунок – девушка, вся гладкая, округлая, очерченная плавными непрерывными линиями, а рядом юноша, весь из ломаных отрезков и хаотичных штрихов. У него в голове промелькнули несколько черновиков, пару раз поменялась композиция, появился и исчез задний план, свет падал то слева, то справа... А если сангина? Шапка каштановых выющихся волос Макса отсвечивает медью, а рыжий локон девушки в тени становится каштановым, образы сливаются в цвете на границе линий... Да, геометрия их разделяет, а колорит соединяет!

Наконец, Никитин представил картинку законченной.

И стёр. Вместе с пропавшим сценарием.

Он глубоко затянулся и проводил взглядом дым, который нестройными потоками молекул направился вверх, к вытяжке, подчиняясь законам газодинамики.

Но молекулы – они, как люди. Некоторым из них зако-

ны не писаны. Возможно, одна-единственная такая молекула оторвалась от коллектива и полетела вниз, всё ниже и ниже... Миновав лестничные пролеты и пожарные щиты, она достигла второго этажа – и тут её встретили обонятельные рецепторы дежурного преподавателя, Ларисы Умильной.

- Курят! - сказала себе Лариса. – На лестнице курят. Она шагнула на площадку и закричала куда-то вверх:
- А ну спускайтесь! Живо все сюда! Объяснительные писать!

Выждав с полминуты, Лариса достала смартфон и принялась набирать какой-то номер. Звук набора должен был, по её расчетам, напугать курильщиков.

- Спускайтесь, пока я директору не позвонила! Живо!
В ответ – мёртвая тишина. В самой глубокой могиле самого старого кладбища, наверно, не бывает такой тишины.
- Я иду! – предупредила Лариса Умильная, но по распорядку дежурства она не могла покинуть вверенный ей второй этаж. Оставалось только воздействовать на нарушителей суровым голосом и ложными угрозами. – Лучше сами спускайтесь!

Наконец, тяжёлые неуверенные шаги послышались в этом мире безмолвия. Кто-то обречённо спускался навстречу судьбе.

- Что? Ты? Никитин, ты куришь? – изумилась Лариса. Он пожал плечами, отвёл взгляд и пробормотал:

- Нервы, Лариса Кирилловна. Тяжёлый день.

- Ты ещё не знаешь, насколько тяжёлый! – Лариса разозлилась и зашагала вверх по лестнице. – Но сейчас узнаешь! И твои дружки, уроды, которых ты покрываешь, у них тоже будет тяжёлый день, о да, я вам гарантирую!

С каждым шагом она всё яснее ощущала запах дыма, и всё яснее понимала, что наверху никого нет.

Так и оказалось. Ни души. Только немного пепла на полу. И банка из-под энергетика, откуда ещё тянулась ниточка дыма. Лариса обернулась к Никитину:

- Твоё?

Он пожал плечами.

- Не ожидала от тебя. Может, ты ещё и наркотиками балуешься?

- ...

- Пошли. Объяснительную напишешь. Ты понимаешь, что за такое нарушение могут исключить?

- Да исключайте. Мне все равно.

Преподаватель Умильная на миг задохнулась от такой дерзости, неожиданной и глупой.

За годы работы ей ещё не приходилось самой сталкиваться с *такими* случаями. Но старшие коллеги предупреждали, что от самого тихого и послушного ученика можно ожидать чего-то подобного.

Все дети шумят на уроке, бегают по стенам на перемене, матерятся, прогуливают занятия, курят, дерутся, иногда их пакует полиция, а девицы и залетают – это нормально.

А Никитин был не как все. Держался в стороне, на занятиях читал тайком книжки. Даже в столовую не ходил, грыз какой-нибудь сухарик, опять же над книжкой. Учился отлично, на практике всё делал аккуратнее других, завуч просила присмотреться к нему, поработать с преподавателями, чтобы троек годовых не ставили – может вырасти кандидат на красный диплом...

Вот тебе и вырос красный диплом. Правда, звоночки-то были, вспомнила Лариса. В конце первого курса, весной, сделали ему замечание на практике из-за длинных волос. Так назавтра он явился наголо остриженным, и с тех пор стригся очень коротко, вроде ежика. «Надо связаться с матерью, это раз, - думала Лариса. – Нет, мать отпадает: говорят, она алкоголичка, устроит тут истерику. Хорошо, что никто не видит. Но скрывать тоже нельзя. Педагогическое воздействие, а то вообще на голову сядут...»

Внизу закрипела дверь. Кто-то ещё вышел на чёрную лестницу.

«Вот я вам сейчас...», - Лариса затаилась, поджидая новых нарушителей.

- Здесь вентиляция, кури спокойно, - прозвучал голос этажом ниже.

Запахло табачным дымом.

Но дежурный преподаватель Умильная Л.К. не кинулась наводить порядок и педагогически воздействовать на нарушителей. Нет, она лишь осторожно, краешком глаза посмотрела в лестничный пролёт, чтобы убедиться – один из голов принадлежал директору. Да, сам директор в своем кожаном пиджачке стоял сейчас с кем-то на лестнице. С кем-то, кто дымил и говорил, посмеиваясь:

- Прикинь, я перешёл на айкосы, чтобы бросить курить. А теперь вернулся к сигаретам. Пока не разорился.

- Эти дебилы достали своими вейпами, - ответил директор.

- Ты выбрал, на какую площадку их переведешь?

- На правый берег. Переплётчиков на брошюровщиков перепишем.

Лариса и Никитин переглянулись.

«На правый берег?» - мысленно переспросила преподаватель Умильная.

«На кого перепишем? Кто такие бро-шю-ровщики?» - переспросил третьекурсник Никитин.

- Да кому они нужны сейчас, переплётчики.

- Реставраторы они.

- Тем более! Персонал как настроен?

- На персонал мне глубоко фиолетово. Им-то какая разница куда ездить? Кто не пойдет на переподготовку, тех сократим. Но это уже не наша проблема.

«Я не буду ездить на правый берег» - прочитала Лариса во взгляде Никитина. И решила: «Я тоже».

- На меня инвестор давит, к маю апартаменты должны быть. На белые ночи турье повалит, упускать нельзя. Плюс девятого мая юбилей, официалов завезут, тебе шанс очки заработать у губера. Нижний блок с рестораном я видел – там только дизайн поправить, мебель завезти. А вот апартаменты – как? Когда будет ответ?

- Освобождаю, освобождаю.

- Проблемы? Говори сразу.

- Не сказать, что проблемы. Там особый фонд. Брали на хранение сто лет назад, а теперь книжки место занимают. Завхоз упёрся, боится сдать в макулатуру без акта списания. А это такой головняк, чужое списывать.

- Он что, не понимает?

- Законник. Страхуется. Свой зад бумажками прикрывает. Какой-то сводный отчёт готовит, без него никак.

- Какой ещё отчёт, если ликвидация? Вас тут в мае уже не будет, перед кем он отчитываться собрался?

- Всё сложно. Даже если, то могут настучать в комитет, а

там свои заморочки. Ещё эта эпидемическая обстановка... Практически через комитет не получается, надо что-то придумать.

- Это намёк? Придумывать буду я, получается?
- Не мой уровень.
- Тогда едем к инвестору сейчас. Порешаем за столом. О, хочешь анекдот? Про уровень? Приходит Рабинович к урологу...

Дверь снова ударила, перебив голоса. В воздухе остался запах дорогого парфюма и табака. Голоса удалялись и затихли в районе приемной.

И тут дверь архива приоткрылась. Оттуда высунулась физиономия Деркача.

- Ойбля, - сказал Макс и попытался исчезнуть.

Но Лариса Умильная решительно поставила ногу на порог.

Как ни далеко витали расстроенные чувства Никитина, но фразу «кому они нужны, переплётчики» он различил вполне отчетливо. Никому, значит, не нужны? Брошюровщики нужнее?

После выпуска он собирался работать в мастерской при музее, набивать руку, заниматься рисунком и компьютерной графикой, в идеале – назло матери поступить в Муху, на реставратора.

И что теперь? Брошюровщик – это что вообще? Это же что-то совсем другое!

- Всё, отчисляйте за курение, - сказал он. – Закон есть закон. Я немею перед законом. Отчисляйте.

- Ты норм? – Деркач встал между ним и Ларисой. – Я тоже курил! Давайте теперь всех курящих отчислим, кто тут останется?

- Ты не въезжаешь, - Никитин огляделся и сел на связку книг, растирая виски. – Ну да, ты же не слышал. Нас ликвидируют. Весь колледж. В мае нас тут уже не будет. Переводят на правый берег. И переписывают в каких-то брошюровщиков.

Макс так и сел:

- Бред! Это бред какой-то!

- Не сидеть на книгах! – Из глубины темного помещения, пробираясь между штабелями книг и грудями коробок, появился завхоз Виктор Андреевич. – Алина! Лариса Кирилловна, а вы куда смотрите? Ну-ка, встали живо! Кого тут отчислить? Это у нас не заржавеет!

- Ой, Андрейч, вы здесь! Как хорошо, что я вас нашла! –

Лариса смутилась. – То есть, не уверена, что хорошо. Но директор просил вас найти. Чтоб вы к нему после обеда зашли.

- Да знаю. С этими красавцами что делать будем?

Никитин упрямо повторил:

- Отчисляйте. Я на брошюровщика не перейду. Не отчислите, я сам заберу документы!

- Во-первых, документы тебе никто не отдаст, ты несовершеннолетний, - сказала Лариса. – Это пускай родители решают, где тебе учиться. Мама твоя решит. Но я думаю, она захочет, чтобы ты закончил, получил диплом, стал специалистом...

- Вы меня не слышите? Я НЕ на брошюровщика поступал учиться, понимаете? Я что, не могу забрать свои документы? Это мои документы, не мамины!

- Ты же по закону хочешь? А по закону только родители...

- По закону я - никто?

Завхоз вмешался:

- Давайте не будем тут. Дебаты Ленсовета развели. Отчислить можно и без родителей, не волнуйся. За грубое нарушение. Сначала пару педсоветов пройдешь, выговоры по приказу тебе влечим.

- Отлично. Что мне сделать на грубое нарушение?

- Кстати, интересная тема, - сказал Деркач. – После курения в рейтинге пьянка идет, наверно. А дальше? Скорее все-

го...

- Уймись! Это всё потом, - Лариса не дала развить интересную тему. - Сейчас идите на занятия, а выговор я вам гарантирую.

- Тоже мне наказание, выговор, - сказала девушка в зелёном халате. - Они по какому потоку, айтишники или переплётчики?

- Переплётчики мы.

- Практика есть у них? А нельзя вместо выговора направить их на исправительные работы? Вот пусть здесь практику проходят. - Она говорила ласково, как нянечка в детском саду. - Нам тут не разорваться. А срок - до субботы.

- Я готов, - Никитин встрепенулся. - Хотя сейчас готов. Что делать надо? Макс, ты как?

- Я как ты.

Завхоз и Лариса переглянулись.

- Припахать их тут, конечно, неплохо бы, - сказал завхоз. - Да вот сомневаюсь я. Настроены на отчисление, одной ногой уже на свободе, я б таким работу не доверял. Опять же курильщики. Пожар устроить могут. Нет, давайте через педсовет. И на выход с вещами.

- Так-то они ребята нормальные, - сказала преподаватель Умильная.

- Оно и видно... Поручишься за них?

- Да двумя руками! Я их с первого курса знаю. Ну курят,

ну попались, с кем не бывает, Виктор Андреевич! Им можно доверять.

- Да что тут доверять, - сказал Деркач. - Был бы ценный груз или скоропорт, а то - книжки.

- Понятно. - Завхоз вытянул из кармана джинсовой куртки блокнотик, из-за уха достал карандаш. - Кто это у нас?

- Никитин и Деркач, группа триста один, - сказала Лариса.

- Так, записано. - Он отошёл в угол, к тусклому окошку. - Идите сюда, граждане хулиганы, алкоголики и тунеядцы. Кто хочет поработать?

И обвёл рукой ряды книжных штабелей, тянувшихся до дальней стены.

- Видите? - Рыжая красотка Алина изысканно, кончиками пальцев, стянула пыльную накидку с горки книг. - Это дипломные работы выпускников. Здесь реставраторов, а вот эти - переплётчиков.

- А мы теперь называемся переплётчик-запятая-реставратор, - сказал Никитин, чтобы завязать с ней диалог.

Мимо. Ему ответил завхоз.

- Раньше здесь такие кадры готовили, - сказал он мечтательно. - И по антиквариату. И «деревяшка» была. Реставрация деревянного зодчества. И худграф был.

- Вот работа 80-го года, с олимпийским мишкой, - нежно продолжила Алина. - Переплёт коленкорový. А вот -

бархатный... Мраморной бумаги... А вот самая старая работа, наверно. Не вижу данных, когда исполнено, но материал очень, очень старый. Журнал «На привале», 1928 года. Знаете, многие произведения, стихи особенно, но даже и романы, бывает такое, существуют только в журнальном варианте. И вот чтобы они не пропадали... Их надо вот так. Смотрите, журнал по страницам разобрали, разрывы заделали, прошили, форзац какой, полюбуйтесь...

Лариса Умильная взяла томик, полистала.

- Гурский? Алоизий Гурский! Надо же...

- Что такое?

- Да так, - Лариса захлопнула книжку и прижала к груди.

— Так. Имя странное.

- У Булгакова же был такой, Алоизий, - вспомнил Никитин.

- Надо почитать. Можно взять?

- Ой, да хоть всё заберите. Вся эта роскошь - на утилизацию.

- Что он там пишет? – Никитин протянул руку. – Дайте посмотреть.

Преподаватель Умильная осторожно открыла книгу на середине:

- «...Солнце, ещё не успевшее набрать всей полуденной си-

лы своей, уже плавилось, словно расплавленное золото, на остриях шлемов, озаряя их дивным, почти сверхъестественным сиянием...»

Диагноз Никитина был краток:

- Графомания жуткая.

- Короче, Алин, куда таскать? – спросил Деркач.

- Да погодите вы таскать, - ответила Алина. – Архив отдельно, библиотечный фонд отдельно, музейное отдельно. Всё сверяем, пишем в акте списания. Или в акте передаче, по-разному бывает. Потом упаковка. Обвязывать шпагатом, взвешивать. И только в самом конце начнем потихоньку переносить.

- А куда? В подвал?

Алина покачала головой.

- Там они уже были.

- В макулатуру? – спросила Лариса.

- Я все варианты перебрал, во все двери стучался, - сказал завхоз. – В школах? Сами избавляются от старых фондов. Городские библиотеки – та же история. В Каменку ездил, в воинскую часть. Сначала обрадовались, пусть боец читает, у кого время есть. А потом уперлись в начальство – никак не оформить. Ну и... - он махнул рукой.

- Значит, в макулатуру, - заключил Деркач, выбираясь из-за горы коробок. – Смотрите, что нашёл. *«Тот год был годом ужаса и чувств, более сильных, чем ужас...»* Это в макула-

туру, нам такое не нужно. А вот эту захвачу? Всё равно она на еврейском, никому не нужна тут.

- Ну-ка, ну-ка, - завхоз отобрал у него обтрёпанную серую книжицу. – Наклейки нет? Она не сверена, пусть тут пока лежит. Потом, может быть, заберёшь, раз ты такой сионист.

- Да не, чего бы её не продать? Евреи богатые, они купят. А то сразу в макулатуру!

- Ничего не сразу! Чтоб завтра с утра – оба здесь. Без опозданий. В десять ноль-ноль как штык!

- Два штыка! – Деркач вытянулся «руки по швам».

- Потому что читать книгу и её переплести – это целых два периода развития, и огромных. Сначала он помаленьку читать приучается, веками разумеется, но треплет книгу и валяет ее, считая за несерьёзную вещь. Переплёт же означает уже и уважение к книге, означает, что он не только читать полюбил, но и за дело признал. До этого периода ещё вся Россия не дожила. Европа давно переплетает.

(переплёт ледериновый, цвет гранатовый, страница 558)

- Извинитьзпздани, можно войти?

- Садитесь быстрее, не мешайте...

Не мешать полагалось выступлению отличницы Афониной, которая, закатив глаза к потолку, бубнила монотонно:

- Нивыжатырощиголы

Отводы туманы сырость...

...В наши сани!

- Хорошо. Вижу, что ты учила. Но скажи, пожалуйста, о чём эти замечательные, очень проникновенные стихи?

- О нивах.

- ... Ну, а если подумать...

Отличница хлопает ресницами.

- Ну, хорошо, - не унимается русичка, - нивы так нивы. Мы видим пейзаж. А настроение какое автор передает?

- (хлоп-хлоп)

- Ну, Афонины, соберись. Вот как ты понимаешь «дремлет дорога»?

- Никак.

- Что никак?

- Никак не понимаю.

Вступает Родникова, вечная защитница угнетаемых и борчиха за справедливость:

- Галина Станиславна, ну что вы докопались? Вы сказали учить – она выучила. Вы же не сказали – понимать!

- Родникова, не выступай мне тут! Сама-то выучила?

- Конечно! Да. Почти.

- Давай, отвечай.

- Если вы будете докапываться, я отказываюсь отвечать.

Джем:

- Я тоже отказываюсь говорить без своего авокадо!

Вспышка девичьего хихиканья гасится постукиванием ручки по столу.

- Садись, Афонина. Итак, все рефераты я просмотрела, некоторые были оформлены с душой, некоторые тяп-ляп, кто-то вклеил иллюстрации, одна моя любимая девочка даже от руки написала весь текст. Прямо как в начальной школе. Воробьёва, не могла принтер найти? Спросила бы у кого. – Галина Станиславовна отложила папочку в сторону. – Посмотри, как Джемилян оформил, очень аккуратная работа...

- Конечно, папа генерал, ему солдатики оформляют, - снова вступила Родникова.

Но ГС умеет вовремя отключать слух:

- ...все ссылки правильно указаны, странички подшиты правильно, скоросшивателем, а не степлером.

- А что, степлером нельзя? – спросили с задних парт. – Так же легче.

- Конечно, можно. Можно и на мятой бумаге. Можно и вообще не сшивать, как Воробьёва. Всё можно. Потому что вы любите «как легче». А пробить два отверстия и собрать экземпляр правильно – это очень трудно. Но труд ради другого человека – это уважение к нему...

- Тыдыщ, тыдыщ, - сказал Джем, и вокруг него снова захихикали. – Я пробил тебе две дырки, но сделал это с ува-

жением.

Заржали братья Барщевские: сначала Гриша, коротко, как бы из вежливости; до Миши доходило дольше, зато ржал он искренне и неудержимо.

- Тишина! Спящие, просыпаемся! Убрали мобильники! Все, все убрали! Тетради открыли! Начинаем конспектировать! Деркач, Никитин, вас не касается? Что вы там обсуждаете? Может быть, поделитесь с нами, нам тоже интересно?

- Вообще-то... - Макс повернулся к ней.

Но он забыл, что на риторические вопросы незачем отвечать.

- Всё! Итак, сначала дата, справа на полях пишем. Цифрами пишем, цифрами. Затем по центру слово «конспект».

- Буквами?

- Тишина! На следующей строке, с красной строки - «Образ Маргариты как символ жертвенной любви».

Галина Станиславовна перекинула толстую косу с одного плеча на другое и раскрыла перед собой учебник.

- Итак, ребята, впервые читатель узнает о Маргарите со слов Мастера, который рассказывает в психиатрической клинике, вот, именно Ивану Бездомному о своей удивительной

возлюбленной. Итак, Маргарита, именно, ко времени встречи с Мастером уже замужем, да, она, можно сказать, замужем. В принципе, Мастер также был женат на другой женщине, да. И что характерно, имя которой он даже затрудняется вспомнить. Итак... Приготовьтесь правильно оформить цитату. Кавычки. Нет, не сейчас, я скажу, когда. Итак, по словам Мастера, любовь поразила их обоих... Кавычки ... «так поражает молния, так поражает финский нож!» С новой строки. Итак, Маргарита, можно сказать, влюбилась. Да, она именно влюбилась не только в Мастера, но и в роман, который он писал. Вы помните, что он писал роман. О чём? ...

- О чём, о чём? О ком? – эхом отозвался Никитин.

- Итак, как вы уже знаете, роман этот был посвящен весьма необычной для того времени теме — именно истории Понтия Пилата. Так, сноски, это можно не писать, это такой, типа губернатора, короче, неважно, не пишите ничего, я сказала не пишите! Сноски не пишем!

- У меня вопрос! – Воробьёва подняла руку, прямую и под 45 градусов, чтоб точно заметили. – А причем тут жертвенная любовь? В чём жертва? Богатый муж, гениальный любовник, всё при ней...

- Опять начинаете? – Галина Станиславовна оторвала взгляд от учебника.

Да, опять. Прервать мучительное и бессмысленное «конспектирование» могла не только Воробьёва. Джем тоже умел

переключать литературшу в режим «human-on», спросив о дачных успехах. Хорошо получалось у Никитина – тот мог загнуть такую философическую загогулину, цитируя всемирно неизвестных мудрецов, что у всех наступало просветление. Но сейчас группу развлекала Таська – она сегодня с утра была в диком загоне, на всех рычала, а тут ещё этот реферат дурацкий. Ну да, она его списала с мобильного, голыми руками, без принтера обошлась. Обязательно было наезжать из-за этого? Теперь Воробьёвой просто требовалось огрызнуться, чтобы отпустило.

- Вот я, нищая студентка, - она поправила на запястьях чёрные браслеты с шипами, - спасибо партии жуликов и воров, трачу на своих котов последние деньги. Это, я понимаю, жертвенная любовь. А Маргарита, она что-то потратила? Что-то отдала?

- Да как ты можешь сравнивать, - вяло возмутилась ГС. – Как ты можешь равнять котов и бессмертную душу? И вообще, в твоём возрасте невозможно понять женщину...

- Я сама женщина, и я всё отлично понимаю! И я понимаю, что она только о себе думает. Ах ты ж божечки мой, пропала любимая игрушка!

- Мастер для неё не игрушка! Он для неё...

- Всё равно! И даже не всё равно, а тем более! У них отношения были? Были! И что? Она хотя бы в ментовку сходила, когда он пропал?

Галина Станиславовна перекинула косу за спину и встала, тяжело опираясь ладонями о стол.

- Ты закончила?

- Нет, я...

- А теперь я скажу. Дети, дети, что вы можете знать о любви! Смотрите свои тики-токи, а жизни не видите! Жертву, душу, любовь нельзя измерить деньгами...

- Всё можно измерить деньгами, - сказал Джем. – Особенно любовь.

- Это у вас сейчас так! А в наше время... Всё, хватит болтать! – Галина Станиславовна посмотрела на свои золотые часы. – Быстро пишем дальше!

И продиктовала, уже не разбавляя словами-паразитами текст, согласованный и утвержденный в министерстве бесполезного просвещения:

- Оказавшись на грани безумия, Мастер решил сжечь злополучный роман в печке, и Маргарите, почувствовавшей, что с её возлюбленным неладно, и прибежавшей к нему глубокой ночью, удалось спасти лишь одну полуобгоревшую тетрадь. Всё! Домашнее задание быстро записываем...

- [жалобно, хором] Звонооок!

- Быстро записываем. Эссе, семьдесят пять слов минимум. Название «Рукописи не горят».

Завхозы не любят покидать свою уютную каморку. Стоит только высунуть нос в окружающий мир, как на тебя обрушится поток проблем. Заедание дверных замков, исчезновение мела, возмутительное качество туалетной бумаги – это только первые строчки в бесконечном списке.

Так что мудрый завхоз сидит на месте и ждёт, когда проблемы сами к нему придут. Но бывает и наоборот, ой как бывает... Бывает, что надо самому идти туда, где сидит проблема и ждёт его. Такая проблема называется «директор».

Надо сказать, что Андреич не всегда был завхозом. И Андреичем он тоже стал не сразу. Когда-то он был таким же студентом, как Никитин с Деркачом, и точно так же, как они, покуривал тайком – но только за углом, спрятавшись под раскидистой ивой. Иву давно спилили, студент стал реставратором, а потом и мастером производственного обучения, и точно так же, как Лариса Умильная, гонял курильщиков, выслеживал прогульщиков, грозно звонил родителям, а на педсоветах просил проявить снисхождение и последний раз простить этих балбесов...

Так было всегда. Одни балбесы выпускались, вместо них приходили такие же, а бывали и целые династии, и на педсоветах из года в год звучали одни и те же фамилии, от которых педагогический коллектив бросало в дрожь. Но дрожь унималась и забывалась, стоило лишь выдать балбесам диплом,

где красовались одни тройки...

Андреич пережил в колледже не одного директора. Попадались толковые, были и другие. Нынешний появился год назад, и при нём начались очередные перемены. Пришёл новый военрук, пара новых мастеров, полностью сменились технички, даже те, что работали чуть ли не с основания. И сейчас, приближаясь к приемной, Виктор Андреевич уже догадывался, в чём причина вызова: в предложении, от которого нельзя отказаться.

Да он и сам понимал, что не сегодня, так завтра придется уходить. Начальство затеяло ликвидацию, всех разгонят. Наверно, кому-то что-то предложат на новом месте (да и где оно будет ещё?), кто-то попадет под сокращение. А кого-то придется выкурить. Кого-то, кто будет мешать ходу процесса. Кого-то, кто не захочет подписывать сомнительные бумаги.

Доводить до скандала Андреич не хотел, а остаться не мог. Так и возникает у работника «собственное желание» ...

Не то чтоб он так уж любил свою нынешнюю работу. Не лучше и не хуже других – а ему много чем пришлось позаниматься. В юные годы он, было, возомнил себя реставратором. Его, по крайней мере, не ругали мастера, с кем работал на летних шабашках, восстанавливая северные храмы. Крыл купола лемехом. Да, много чего было... Однажды в сентябре просто шёл мимо колледжа... Или ноги сами сюда привели? Заглянул – да и остался, приняв группу в этот же день...

А теперь, значит, пора прощаться.

- У себя? – спросил он секретаршу, заглянув в приемную.

– Говорят, звал меня?

- Звал, звал, - она не оторвалась от компьютера. – Не до-
звался.

За её спиной в окне был виден двор. Через распахнутые ворота выехали и свернули на Фонтанку, один за другим, два блестящих под дождем автомобиля - белый Х6 и серая директорская «тесла».

- Когда вернётся, не сказал?

- Ха-ха.

- А куда он?

Секретарша развернулась к загудевшему принтеру.

- Знаешь, Виктор Андреевич, я сплетничать не люблю. И подслушивать тоже. И я тебе ничего не скажу. - Она выравнила распечатку, постучав об стол. - Но у него был какой-то старый друг. Откуда-то сверху. И они уехали на деловой ужин.

Она снова повернулась к монитору.

- Не рановато для ужина?

- Нет, с учетом дороги. Как я поняла, это за городом.

Андреич молча стоял в дверях. Он чувствовал, что это ещё не финал.

- А ты пока с приказом ознакомься. С неподписанным ещё.

- Меня касается?

- Только тебя и касается. О переводе на другую площадку. Вот, на столе.

Секретарша работала здесь давно, то есть всегда. Сначала, правда, была студенткой, и тогда её звали просто Геля, вечно помогала, бегала с бумагами, крутилась с мастерами. Выпустилась одновременно с Андреичем, но никуда не ушла, осталась при канцелярии. И теперь ее звали Гелена Константиновна. Приходила на работу раньше всех, уходила позже всех. Впрочем, никто не видел, когда она уходила.

- В связи с реорганизацией... На должность рабочего дворовой территории? Дворником, значит. Интересно. А где эта площадка?

- От «Ладожской» автобус ходит.

- От «Ладожской». Так это в Яблоновке? Есть там похожая площадка. Но она же инвалидская, или нет?

Гелена поморщилась.

- Какая разница? Ну, реабилитационная, с адаптивными программами.

- И нас, значит, туда. Ну ладно.

- Приказ ещё не подписан, видишь? И он его порвет, если ты акт списания архива положишь ему на стол. В общем, я должна была тебе это сказать, вот и говорю.

- Ладно, ладно.

- Что «ладно»?

- Ладно. Значит, дворником? Ладно.

- Что «ладно» -то, Виктор Андреич? Да подпиши ты этот чертов акт, всё равно они всё выкинут. Ты с какого года здесь, помнишь?

- С девяносто девятого.

- Двадцать лет, а ты...

- Не двадцать. Ты перерыв забыла.

- Ну и что? И сколько всего списали за эти годы! И без проблем. Спишут и архив, с тобой или без тебя.

- Вот именно. Без меня.

- И куда ты подашься?

- Не пропаду.

- Ты-то не пропадешь. А мы без тебя?

- Ладно. Я попозже зайду.

Он зашёл, когда закончились занятия и колледж понемно-

гу затихал. К этому времени он привел в порядок бумаги, что-то сжег над пепельницей, что-то разложил по разным папкам. Тихо порадовался бутылке коньяка, найденной в углу сейфа: чей-то подарок наконец пригодится.

Да, разные бывали начальники. С кем-то можно было и на озера съездить с удочками, и выпить в кабинете под Новый Год. С кем-то чуть было до увольнения не дошло – но того сняли раньше. А с этим даже поговорить не удалось за год работы.

И хорошо, что не пришлось говорить.

Гелена сидела в директорском кресле и складывала па-сьянс на компьютере.

Виктор Андреевич увидел её сумку на подоконнике и поставил рядом пакет с коньяком.

- Это тебе к чаю, - сказал он.

Она кивнула, не отрываясь от монитора.

Выходя через приемную, он подложил в папку «на подпись» заявление на увольнение «по собственному». А обходной лист у него уже давно в сейфе хранился, своего часа дожидался.

Он смочил руку, прежде чем взять форель, чтобы не повредить одевавший ее нежный слизевой покров. Если тронуть ее сухой рукой, на пораженном месте развивается бе-

лый паразитический грибок. Раньше, когда Ник ловил форелей на реках, где бывало много народу и, случалось, впереди него и позади шли другие рыболовы, ему постоянно попадались дохлые форели, все в белом пуху, прибитые течением к камню или плавающие брюхом вверх в тихой заводи. Ник не любил, когда на реке были другие рыболовы.

(переплёт тканевый, цвет чёрно-серый, стр.135)

ТОМНЫЙ ВЕЧЕР

Деркач уверенно припарковал «пассат» рядом с полицейским «уазиком».

- Дай мне пакетик из бардачка.

В пакетике была зубная щетка и паста.

- Я вчера в тачке ночевал. У тебя тут есть магазин рядом?

- Да вот же, «24 часа». Только это, Мак... Здесь, наверно, машины ставить нельзя.

- Знаков нет. Вот, «солярис» стоит, и ничего.

- Здесь контора ментовская.

- Да что ты говоришь! Ой, ужас-ужас-ужас!

У магазина Деркач отдал свой рюкзак:

- Подержи, со мной не ходи. Я за пивом.

Вернулся с набитым пакетом.

- Хороший магазин. Лишних вопросов не задают.
- Насчет пива?
- Ага. Если что, права показываю вместо паспорта. Говорю, паспорт дома забыл. Блин, Миха, а ведь это правда! Надо бы домой смотаться за паспортом. И куртку забрать, холодно. Поедешь со мной?
- Не вопрос. А права... Тебе же нет восемнадцати?
- Да они не мои. Работал у нас один, вроде похож. Куда-то слинял, доки все оставил. А у нас ничего не пропадает. Батя их мне дал, чтобы фуры сопровождать, у нас экспедиторов не хватает. Всё лето на подмене мотался, наравне с шоферюгами. Белгород, Смоленск, Харьков, Чернигов...

Они поднялись по замызганной лестнице и остановились перед дверью, рядом с которой пестрела дюжина разных звонков.

Прежде чем войти, Никитин прислушался. И приняхался. Тянуло табачным дымом, слышалось нечто саксофонное, аморфное: мать принимала подруг на дальней, маленькой кухне.

Не зажигая свет, они прошли через большую кухню, мимо заколоченной крест-накрест двери пропавшего соседа, мимо стеллажей с чужим хламом и бесшумно проникли в «детскую». Эту комнату, устранив переборку, давно соединили с соседней, что была в два раза больше, но название осталось.

- Где тебе постелить, в кресле или на диване?
- Забей, - Деркач бросил рюкзак в угол, стянул кроссовки и плюхнулся в кресло. – Мне бы помыться. И это... Короче, можешь мне майку дать? Не могу, моя жесьть как воняет.
- Шкаф видишь? Дальше сам.
- О, супер. Вот эту возьму, с белым медведем.
- Тундра ты неогороженная. Это герб Берлина.
- Был в Гермашке?
- Нет. Не был. Нигде я не был. Я хэзэ, откуда шмот.
- Я постираю, верну потом.
- Забей. Оставь себе, мне эта маленькая стала.

Никитин прошёл в конец коридора и осторожно заглянул в кухню: все, как обычно. Пицца на картонке (почти целая), контейнер с роллами, миска с зеленью, бутылка вина. И две пустые под столом.

Его не сразу заметили. Мать с закрытыми глазами размаживала сигаретой в такт песне, а подружка, как зачарованная, смотрела на колонки, откуда несея хриплый баритон...

Но как только скрипнула дверца холодильника, обе вырвались из-под магии Леонарда Коэна.

- Как он вырос! – сказала подружка, глядя сквозь него.
- Где-то успел извозюкаться, - обречённо проговорила мать. – Хоть из дома не выпускай, свинья грязь найдет.

Никитин наклонился, чтобы разглядеть себя в зеркале над раковиной. Еле заметное пятнышко на лбу напомнило ему

о пыльных штабелях книг, через которые он пробирался в архиве.

- Я там это. С товарищем, - доложил примерный сын.

И выскользнул, избегая расспросов и прикрывая тарелку с изогнутыми ломтиками сыра.

- Товарищ хоть разнополый? – вдогонку спросила подружка.

Никитин плотно прикрыл за собой дверь, едва расслышав, как мать пробурчала «кому такой нужен» ...

Деркач вставлял в свободное место на стеллаже книжки из архива, отдирая наклейки «БВЛ-утилизация».

- Пусть в хорошей компании стоят.

- А ты как их отбирал? По какому принципу?

- По корешкам. Чтоб разного цвета.

Никитин включил компьютер:

- Я на занятие. Ты давай сам как-нибудь. Хочешь, телевизор вруби. Если пульт найдешь.

- Телевизор! У меня дел выше крыши, - заявил Деркач. – Я еврейскую книжку уже пробил. За точно такую пятьсот евро просят. Ну, почти такую. Теперь помониторить книжные аукционы надо. Только вот...

Он вытянул серый томик из рюкзака.

- Зачем ты взял, она же...

- Да не парься. Я только посмотреть. А если толкнём через «Авито», никто и не заметит. – Макс приблизил раскрытую книжку к лицу и сощурился. - Штампы. А, впрочем, пофиг, удалить не проблема.

- Не, не надо удалять ничего. Если это из ликвидированной библиотеки, то все законно.

- А если нет? Какой-то учебный комбинат, это точно не наша книжка.

- Через «Авито» и не такое проходит. Ладно, не парься. Я у матери спрошу. Она знает. Эксперт международного фонда.

- Спроси. Только не открывайся, понял?

- Кого ты учишь.

- Ладно. Так ты будешь пивас?

- Не время, камрад.

- Хочешь прикол? Я у Барщевских два дня кантовался. И все два дня борщ ел.

- Прикольно.

- Может, они всю неделю его едят. Неудобно было оставаться. А вкусный был. – Он пожевал сыр. - Да, не то что у тебя.

- Я привык.

- У тебя она вообще не готовит?

- Да когда ей.

- И как ты?

- Привык. Сам справляюсь.

- У меня матушка *так*готовила... А *эта* вообще дома не жрёт... О, смотри, Джем пишет «го пати, плюс дота заруба». Тоже вариант. Может, у него сегодня завалюсь на ночь. И в душ заскочу, если успею. Пока озабоченные ванную не захватят.

Никитин разжевал последний ломтик сыра, открыл осточертевший курс Adobe Illustrator, надел наушники и уже нацелился включить ГрОБ. Но не включил. Курсор подрагивал над кнопкой, но вместо голоса Егора Летова в голове раздавалось только «кому они нужны, переплётчики».

Кому они нужны

Переплётчики

Кому они нужны

Переплётчики

Кому они нужны

Переплётчики

Он почувствовал, что сейчас умрет, если не съест ещё чего-нибудь. Как всегда. Пока глушишь голод водой или сигаретой – можно терпеть. Но стоит хоть крошку в желудок закинуть – и кранты!

- Успокойся, - доносился из кухни голос подруги. – Всё

будет хорошо. Ты же знаешь Семёна Яковлевича...

- Я никому уже не верю! – выкрикнула мать.

- Успокойся! Это же ненадолго! Тебе давно пора отдохнуть.

- Нас не отдыхать везут!

- Ой, я тебя умоляю, пройдёшься по бутикам Крещатика, и всё пройдет! А потом во Львове чашечку кофе – и возвращаться не захочешь!

Он надеялся застать в живых пиццу. Увы, тщетно. Зато между стаканами и пепельницей затаились крабовые палочки.

- Я только спросить, - (отвлекающий маневр) - Вот если переплётчика переводят в брошюровщики, что будет записано в дипломе?

- На что сдал дипломную работу, то и запишут. А почему ты спрашиваешь?

- Просто интересно.

(Упаковка палочек уже вскрыта, как бы не рассыпать по дороге...)

- Э, куда! – недовольно протянула мать.

- Бери, бери, - сказала подруга и подвинула к нему пустой контейнер с роллами. – Молодые организмы должны закусывать.

- Закусывать? Вы что там, бухаете? Убью! – Мать попыталась встать, но только смахнула пустой бокал со стола. –

Кто там у тебя?

- Максим, ты все равно его не знаешь. Мы с ним реферат пишем, завтра крайний срок сдавать...

- Какой ещё Максим?

- Рефераааты, - презрительно протянула подружка. – Знаем мы, как вы их пишете. Вот мы, помнишь, Вера ...

Никитин прихватил ещё пару кексиков и попятился, вежливо улыбаясь. Ногой затворил дверь, так и не узнав, как писались рефераты в годы материнской юности. Сам он их никогда не писал, а тупо скачивал, как все нормальные люди.

Деркач вскочил с кресла, держа в руках пачку чипсов и пиво.

- О, закуска! Класс. Так ты едешь к Джиму или как?

- Нет. Меня и не звали.

- Ну как хочешь. А я ещё посижу и поеду. Неудобно с твоей матушкой получилось, они там расслабляются, а тут я припёрся...

«Неудобно» оказалось самым мягким эпитетом для описания того, что было сразу же после этой тирады.

Дверь распахнулась. На пороге стояла мать. Ледяным тоном она произнесла:

- Что. Это. Такое.

Однокурсники переглянулись. Мать когда-то работала

простым преподавателем, но сейчас её голос звучал на уровне завуча, а то и директора.

- ЧТО ЭТО ТАКОЕ!

Невероятно длинная рука вырвала банку «Балтики» у Деркача. Макс отступил и рухнул в кресло, прикрываясь чипсами.

- Сына мне спаивать? - От её голоса где-то задребезжали стекла. – Нах[...]й с пляжа! Воооон!

Рука вытянулась в сторону коридора.

-Вообще-то в твоих сериалах всегда стучатся в комнату подростка, - заметил Никитин.

- Повыступай мне ещё! Сам вылетишь!

- Легко!

Он шагнул к выходу даже раньше гостя.

- Давай, давай, давно напрашивался! У-у, отцовская порода!

Зашнуровал берцы, провернул замок и на миг задержался, не оборачиваясь.

Такое уже случалось. Из-за чего в прошлый раз? Ах да, опять увидела, как он разгружает фуру перед магазином. «Не

смей на них работать! Тебе мало моих денег? Весь в отца! Не хочешь работать головой, будешь, как он, работать руками! Хочешь показать, что я тебе не нужна? Сам не проживешь ни дня! И т.д.» И да, в тот раз вдогонку бросила: «Мусор вынеси!»

А сегодня? Он думал, что мать смотрит ему в спину. Представил её лицо. Умоляющее? Ха. Гневное? Медуза Горгона))

«Надо бы оглянуться. А вдруг она видит меня в последний раз? Вот сейчас с Максом куда-нибудь впилимся, сгорим в тачке и всё! Только в морге, гы-гы».

Он замер на секунду, чтобы услышать какое-нибудь наставление, а то и предупреждение.

Но тут захлопнулась кухонная дверь, и этот звенящий грохот был яснее тысячи слов.

Гисли же проводит у Рэва две недели, а потом уезжает, и они расстаются с Рэвом друзьями. Гисли дарит ему нож и пояс, добрые вещи. Большие ничего у него с собою не было.
(переплёт тканевый, цвет зеленый, стр.64)

- Добро пожаловать в клуб бомжей, - сказал Макс, когда Никитин захлопнул за собой дверь «пассата».

- Хорошая у тебя тачка. Просторная, жить можно.

- Даже не думай, - отрезал Деркач. - Во-первых, дубак. Во-вторых, носятся все туда-сюда. Наколхозили саб-вуфе-

ров, гоняют свой говнорэп. Спать не дают.

- Город никогда не спит.

- Хотел хату снять. Вариантов – вагон. Но везде - задаток. И никаких гарантий. Видят, что молодой. Бабло возьмут, а через день выкинут на улицу, таких случаев полно.

- Но в тачке жить тоже не вариант.

- Есть идеи?

Никитин посмотрел на окна квартиры. Свет горел в малой кухне и в детской. Вдруг между этими окнами вспыхнули ещё два – в мастерской.

- Идея есть, но она мне не нравится. Надо тупо подождать.

- Ты о матушке?

- Вырубится, мы тихонько туда, а утром и не вспомнит ничего.

- Уверен?

- Не первый раз. Она импульсивная. Потом дня три разговаривать не будет.

- Часто ругаетесь?

- Бывает.

- А с чего?

- С чего? Да причина найдется. Кто-то должен быть виноват. Для этого женщинам нужен муж. У нас я вместо него. Мак, ты так говоришь, будто твои на тебя не наезжают.

Деркач повертел сигарету перед носом.

- Я вот вспоминаю: матушка никогда не наезжала. Маленький был, даже не ругала никогда. Батя гнал на неё, что неправильно воспитывает. А у него зато воспитание простое. Чашку за собой не помыл – неделю будешь драить всю посуду. А с маленьким вообще... Накосячил – по шее. А вдогонку – поджопник, я аж кувырком катился. Чего-то я там сломал в гараже – ремня получил. Вот так голову зажал между ног и хлестал по жопе. С маленькими же можно что хочешь творить, они не понимают, они ничего не помнят. А я всё помню... Но ты знаешь, Миха, это реально работает! Рецидива у меня не было! А наезжать... Не было такого.

- Ни за шмот, ни за волосы, ни за музыку?

- Шмот? Так она сама мне все покупала. Сама стригла, пока давался. Музыка? Так я все её диски и сейчас у себя держу. «Оазис», «Колдплэй». А она от меня «Заточку» слышала, вообще тащилась от них, не только от первого диска, а вот реально каждый трек...

Он сломал сигарету и запихнул обломки в пепельницу.

- А за тройку в четверти не наезжали? – не отставал Никитин, припоминая старые обиды и закипая от злости. - А мобила, а «танчики»? Ничего-ничего не было?

У парадной остановился пёстрый китаец яндекс-такси.

- Внимание! – Деркач поднял палец: - Походу, девочки расходятся.

Сутулый силуэт скользнул из дверного проема к машине, дверца хлопнула, китаец покатыл к светофору.

- Сейчас спать ляжет, посуду до утра бросит, - сказал Никитин. – Мне оставит.

- Ты ж ушёл вроде?

- Да она уже забыла. Ладно, подождём, сейчас ляжет.

Но окна продолжали светиться.

- Это все ваши окна? Большая хата.

- Дом на расселение, соседи постепенно съехали кто куда, мы пользуемся.

- А вы почему остались?

- Некуда уезжать. И даже если, а книги куда девать, с собой на съёмную хату? А верстак, а пресс, вообще мастерскую? И вообще, кто-то же должен оставаться, чтоб не разграбили. Вот мы и зависли. А теперь говорят, программа расселения утратила финансирование.

- Ага. Утратила. Распилили всё. – Деркач помолчал. - Но ты неправ, Миха.

- Да я всегда неправ.

- Это из-за тебя мы теперь сидим как бомжи. С ней надо

было просто поговорить. Я бы объяснил, что мы не бухаем, что пиво вообще безалкогольное...

- Банку конфисковала, так что мимо.

- Ну да. Все равно, банка закрыта, значит, ничего такого! Никаких оснований для наезда. Я бы ее заговорил, она бы ещё нам яичницу нажарила бы. А ты сразу!

- По-моему, я нормально ей ответил.

- Нет, Миха! Ты ей ответил токсично. Фактически сделал ей замечание, а она позиционирует себя как старшего, старшим нельзя замечания делать. И у нас к ней были вопросы по книжкам, а теперь...

- Проспится, спрошу.

- Да ладно, сами найдем, у кого спросить. О, надо Лёве позвонить, пока не поздно. Короче, едем к Джиму?

- Меня не звали.

- И что? Вот опять. Ты вообще хреново коммуницируешь. Ходишь как аутист. Поехали в народ. Твою установку ломать надо. Смотри, ещё окно. Тоже ваше?

- На чёрной лестнице. Там кладовка, шмотки мои, рыться будет ... - Никитин ударил кулаком по колену. – Ещё и посуду за ними мыть! Я не нанимался в посудомойки! Поехали!

- Другой разговор!

Из-за открывшейся двери понеслись звуки музыки (если

можно так назвать мяуканье Монеточки), хлынули волны тумана от множества вейпов.

Макс вошёл первым, Никитин замешкался, и на него налетело что-то пушистое, мягкое и пьяное. Таська Воробьёва повисла у него на шее, схватила за руку и, сталкиваясь то с одной стеной, то с другой, куда-то потащила.

Соппротивление бесполезно, понял Никитин. Да и не хотелось сопротивляться. Оказавшись на балконе пожарной лестницы, девушка прижалась к нему. Крепко и плотно. Так плотно, что ему пришлось чуть отступить, скрывая эрекцию.

- Меня ноги не держат, - прошептала она, оседая.

Он едва успел её удержать. Приставил к стенке, удерживая одной рукой. Другой ощупал угол, что-то навалено – на ощупь брезент. Под ним - колёса. Колёсам брезент не нужен, а нам пригодится.

Уселись в углу на брезент, обнялись, чтобы согреться. Ветер шумел над головой, подбрасывая капли дождя.

Никитин не хотел ехать на эту вечеринку, и сейчас был рад отсрочить свое появление в шумной компании. Здесь, на холодном балконе, ему было лучше, чем там. Если бы ещё эти волосы не лезли в нос...

- Это что там у тебя?

- Отвертка.

- Какая ещё отвертка?

- Крестовидная.

- Ты вообще норм? Тебя девушка обнимает, а ты об от-

- вертке только думаешь! Обними меня крепче. Да, вот так.
- Не задохнёшься?
 - Какой ты жесткий... Серёжка, Серёжка, почему мы не можем быть вместе...
 - Наверно, есть причина...
 - Причины всегда можно придумать! Ты всегда что-то придумывал. Серёжка, Серёжкаааа...
 - Я Миша.
 - Да я знаю... .. Ты будешь меня целовать или как?
 - Я с детства не целуюсь.
 - Что, как собака? Догнал и засадил?
 - Вот не надо утрировать. В брачных ритуалах животных, даже у собак, раз уж речь зашла о них...
 - Никитин, Никитин... Даже тебе я не нужна...

Она вдруг сбросила его руку с плеча и взметнулась к перилам. «Сейчас блевать будет, как бы не свалилась», - Никитин поднялся и обхватил её талию. Но она снова, больно ударив, оттолкнула его руку и перегнулась наружу.

- Ты что ... Воробьёва, стой... ты...
- Пууусти!
- Миха, вот ты где! Я не помешал?
- Мак! Ногу!

Деркач успел схватить ногу, уже задранную на перила.

- Пусти! Сейчас я прыгну! Вы все, вся группа, будете сви-

детелями! Подтвердите, что виноват Серёжка!

Она словно выросла в оградку балкона, у Никитина не хватало силы оторвать её ледяные пальцы от перил.

- Ага, свидетелями, - слегка задыхаясь, но спокойно говорил Деркач. - Нас же первых упакуют в ментовку, будут колоть! (вполголоса) Миха, жопу коленом, коленом фиксируй. Упакуют, на родаков наедут за решением вопроса! Сейчас это штук тридцать – сорок! Мой батя не даст. Твой даст, Миха? Руку, оторви руку! Короче, Воробьёва...

-НЕЕЕЕТ

Никитин вспомнил, как действуют переговорщики в боевых:

- Ты хоть поцелуй меня на прощанье! (не сработало) Не надо, остановись, все можно исправить. Подумай о котах, как же они без тебя?

- Какие коты? ПУУСТИИ! Нету меня никаких котов! Никого у меня нет! ПУУУСТИ!

Он схватился за открывшуюся резинку трусов, потянул вниз. Этот зацеп оказался магически эффективным, Воробьёва тут же обмякла и схватилась одной рукой за трусы.

- Кстати, кто такой Серёжка?

- ИЗ ТЕХНОЛОЖКИ!

- Серёжка из техноложки? Воробьёва, ты серьёзно? Стой-

стой-стой...

- НЕЕЕЕ....

- Учти, если грохнешься на мою тачку, убью!

- ААААА...

Она вырвалась и, подтягивая трусы и джинсы, бросилась к двери. Никитин сгрёб ее в охапку и прижал к стене.

- Мак, воды ей принеси!

- Удержишь? А впрочем пофиг... Пусть летит куда хочет.

Деркач вернулся с бутылкой и курткой.

- Твоё?

Бутылка была отвергнута, а в куртку Воробьёва влезла сама.

- Дураки. Всё испортили.

- Это ты нам тусу испортила!

- Её нельзя отпускать, - сказал Никитин.

- Сам вижу... Так, Миха, стоп! - Деркач выставил руки. —

Вот не надо превращать тачку в бомжатник!

И всё же разговор продолжился уже в «пассате».

О бэби бэби-ты просто мышшь

Ты словно точка, когда молчишь

Но вас так много-в глазах темно

Я так хотел бы РАЗБИТЬ ОКНО.

Я ищу таких, как я,

Сумасшедших и смешных,

сумасшедших и больных

А когда я их найду-

Мы уйдём отсюда прочь,

мы уйдём отсюда в ночь-

МЫ УЙДЁМ ИЗ ЗООПАРКА!

- Мы уйдём из зоопарка а-а-а

- а-а-а

- а-а-а

Деркач приглушил звук.

- Пусть дальше играет, - попросила Воробьёва.

- Нет, будет передоз.

Никитин мысленно аплодировал Максу – дальше на этой записи шёл «Непрерывный суицид».

- Тась, ты где живёшь?

- Нигде.

- Куда ехать-то?

- Только не домой. Мать меня убьёт.

- Вроде бы в твои планы что-то такое входило, нет? А впрочем пофиг. Нигде так нигде. Будем кататься.

- Я знаю клуб на Казанской, - сказал Никитин. – Там ночной кинозал. Старое кино крутят. Всю ночь. Паспорт не смотрят. Зависал там иногда.

- Вариант, - сказал Деркач. – Воробьёва, ты как?

- Мне пох. – Она забила в угол и натянула капюшон до носа.

Макс сердито развернулся к ней, но его опередил Никитин:

- Ко мне заедем сначала. Рюкзак возьму, завтра в колледж.

- Завтра практика же... Ах да! Книжки! Наши еврейские книжечки! Я и забыл. – Макс неумело выруливал с тесной

парковки. – С вами и сам себя забудешь.

- Интересно у нас совпало, - сказал Никитин, когда они, чудом никого не зацепив, отъехали. – Синхронный переход в состояние бездомности. Интересно, кто ещё сегодня ушёл из дома?

- По мировой статистике до хера и больше. Все когда-то уходят.

- Ага. В другой дом.

- Весь мир мой дом, - сказал Деркач, кивая в такт песни. – И вообще! Сейчас заправлюсь и рвану в Хохляндию! Кто со мной? Всё равно нам доучиться не дадут. Эти уроды дают нам шанс начать с нуля! Ну что, рванули?

- Ага. Рванули. До первого гаишника.

- Не будь душнилой, Мишка...

- Погромче сделай.

Возможно, Воробьёва и не разделяла музыкальный вкус однокурсников. Но мнение спящих пассажиров не волнует команду лайнера. И любимые треки команда исполняла вместе с Егором Летовым (в припевах, конечно).

- *О-О-моя оборона-О-О-моя оборона...*

Заметив признаки шевелящейся жизни у себя под боком, Никитин повернулся к ней:

- Воробьёва, прости, но это мем такой, «Серёжка из тех-

ноложки»?

- Сам ты мем!
- Кто он?
- Да никто.
- А вот...
- Нах[...]й иди, а?

Деркач резко свернул к тротуару:

- А кто будет материться в машине, останется за бортом, понятно? Понятно, я спрашиваю?
- П-понятно.

Когда машина встала у дома, Никитин не спешил выходить – хотелось дослушать песню. И хотелось понять, что означает непогашенный свет в квартире.

Но если есть в кармане пачка

Сигарет

Значит все не так уж плохо на сегодняшний день

Сотрудник в сером камуфляже направился к машине. Деркач опустил стекло, глядя на него.

- Музыка у вас хорошая, - сказал сотрудник, наклонившись и разглядывая пассажиров. – Но стоять здесь нельзя.
- Я тут живу, - сказал Никитин, выбираясь. – Паспорт могу показать. Сейчас вещи заберу, и уедем.

- Да я тебя знаю. Но стоять тут нельзя. Проблем хотите? – он сказал это так, словно предлагал вареную кукурузу на пляже.

- А вот эти двое с вечера тут стоят, - Деркач показал на «солярис» в углу парковки.

- Проблем хотите?

- Вас понял, - бодро ответил Макс. – Миха, я тебя на Садовой подожду.

Никитин, поднимаясь по лестнице, приготовился к скандалу. И сыграл на опережение.

- Мам? Ма-ам? Картина Рембрандта «Возвращение блудного сына»! Мамахен?

Тишина. Ни музыки, ни голосов, ни посуды.

Посуда не издавала звуков, потому что никто с ней не во-
зился – она так и осталась частично в раковине, частично на столе. Молчала и курица, погружённая в остывающий бульон. (Тайна века - зачем мать, кулинар минус 90 уровня, на ночь глядя затеяла суп варить?)

Голос, или хотя бы храп теоретически можно было бы услышать из спальни, но там была только смятая постель, а она не склонна ни храпеть, ни читать мораль в ночное время.

Что странно, просто необъяснимо - свет горел везде, даже в туалете – Никитин шёл по квартире, щёлкая выключателями.

Пройдя весь коридор, остановился перед чёрной лестницей. Крюк, на который всегда была заперта эта дверь, сейчас был опущен.

Мать вышла здесь, это очевидно. Но куда?

Этот выход использовался, если надо было быстро попасть в метро: через дворы и неработающий теплоцентр выход на Садовую.

Вспомнилось, что, выключая свет в кладовой, он краем глаза заметил какой-то непорядок. Вернулся, снова заглянул. Так и есть – с антресолей исчез чемодан. «Самсонит», с которым мать летала в командировки. Яркий, сияющий. Среди пыльных коробок, пакетов и свертков он всегда выглядел спесивым пришельцем из перпендикулярного мира. И вот – исчез.

- Это надолго, - сказал себе Никитин, представив, как мать тащила за собой чемодан в половину её роста, тыгыдык, тыгыдык по проходным дворам. – Или нет. Это плохо. Но и хорошо. Так вот ты какая, неистребимая амбивалентность бытия.

Он вспомнил, что пришёл за рюкзаком. Зайдя к себе, сразу увидел зелёную кредитку на клавиатуре. Рядом лежал сиреневый айфон с наклеенным стикером.

«2517

Это код карты. Не позже 20-го оплачивай счета. Деньги не трать. Ешь куру. Поживи один, как мечтал. Мне будут зво-

нить, не отвечай. Не прогуливай!!»

- Что за дешёвый детектив, - растерянно проворчал Никитин. – Бежала под покровом ночи...

Пересчитал наличку в кошельке. Посмотрел, на месте ли две пятитысячные в паспорте. Глянул в секретную банку из-под табака – все его запасы на месте.

К автономному плаванию готов. Но счета оплачивать – это только с твоей карточки, мамахен!

Я был бы счастлив, если б целый полк

Был близок с ней, а я б не знал об этом.

(переплёт тканевый, цвет арлекин, страница 338)

Комната Пропавшего Соседа давным-давно была заколочена досками. Но дверь открывается (вместе с досками), если у тебя есть крестовидная отвертка – стоит лишь отвернуть единственный саморез. А за дверью – тайное логово.

Там, в секретном холодильнике Никитин держал всё, запрещённое матерью. Запрещённое, потому что немного просроченное. Но безопасное. По крайней мере, так уверял хозяин магазинчика «24 часа».

В одном из шкафов имелась одежда, пока великоватая, но пригодная на зиму. К стене был принаитован пружинный матрас. И Никитин всегда держал в голове, что сможет но-

чевать здесь, если что. Пропавший Сосед, если и вернётся, будет только благодарен, что его комнату поддерживают на плаву.

- А что за сосед?

- Сосед как сосед. Обычный. Только пропавший. - Никитин достал из холодильника пачку сосисок. Подумав, прихватил банку зелёного горошка, годную до прошлого августа. - Но вообще-то это формулировка матери. Вообще-то тут жил плотник Лосев. И вообще-то, он мой отец. Я был маленьким, когда он нас бросил.

Расположились на большой кухне.

- В детстве я тут на велосипеде круги наматывал. А он клетчатым флажком отмашку давал. – Никитин порубил сосиски и высыпал на сковороду, помешивая деревянной лопаткой. Масло зашипело, стреляя раскалёнными каплями. – Всё помню. Только лицо забыл.

- Прикольно.

- Мак, сходи на ту кухню, принеси, если что осталось.

- Я схожу! – Воробьёва вскочила с табуретки. – А то сижу, как леди-миледи.

Вернулась она нескоро, когда на двух тарелках сосиски исчезли, и пацаны доклёвывали горошек.

- Я там курицу в холодильник поставила, - Тася обводила растерянным взглядом стены и трехметровые окна кухни.

- Завтра с ней что-нибудь придумаем.

- И посуду помыла. А это всё твоя квартира?

- Практически да.

- Та комната, возле ванной, там мама твоя живет?

- Да. Сегодня ты там переночуешь.

- А если она...

- Уехала она. Можешь спать спокойно. Хоть до двадцатого числа.

Доедая роллы и подсохшую пиццу, заговорили о будущих переменах. Никитин был настроен любым способом забрать документы, если превратят в брошюровщика. Перевестись к другой колледж, на Выборгской. Никто не переведёт? Ну и не надо! Можно сдать ЕГЭ, поступлю в институт! Воробьева планировала организовать акции протеста. «Они что хотят то и делают! Меняют нашу судьбу! Человек сам хозяин своей судьбы! НЕ позволим! Не простим! Это наша судьба! Это наш выбор! Да пошли они на... (ой, извините). Да я движуху подниму!»

Деркач в разговоре не участвовал - завис в тотализаторе.

- Свитолина. Эля, богиня. Моя богиня. Смотрю ее сетку, сетка удачная, пройдет до финала. А там не знаю. Ну поставлю вот так.

- Ставишь на победу?
- На поражение.
- Почему? Ты же её фанат.
- Если победит, я потеряю, но за неё порадуюсь. А проигрывает, хотя б заработаю.
- Ну, не знаю... - укоризненно протянула Воробьёва. - Фанат должен быть вместе с командой, в горе и в радости. Ты, получается, не фанат, а так, игрок.
- А что такого? Да, игрок. Я с четырёх лет в теннисе, прикинь. Десять лет потратил на эту беготню лошадиную.
- Дам тебе «Бесконечную шутку» почитать. Там про теннис очень круто написано.
- Если толстая книжка, не буду. Время жалко. Снова на теннис время тратить. Толстая?
- Всё относительно. Сам увидишь.
- Почему бросил? – спросила Воробьёва.
- Потому. Бросил и бросил... О, бабуля денег прислала, очень кстати.

Воробьёва рассмеялась:

- «Бабуля», как маленький.
- Ну а как надо – «бабка»? У всех – бабушка. А у меня – бабуля, она не как у всех!

Никитин, складывая посуду в тазик с горячей водой, вспомнил:

- У меня бабка была. В колледже нашем работала, на пенсию еле вытолкали. Не ладила с начальством. Принципиальная была. Ушла в мастерскую, к знакомым реставраторам. На работу меня таскала, сидел там с ними. Рисовал. Ребенку дай место и краски, его и кормить не придется. А когда читать научился, вообще про меня забывали. На Пасху ставили коробку яиц, я их акварелькой разрисовывал. Стебался, как мог. Но что хорошо - книг там горы были. Допоздна сидели там, в мастерской. Кто-то и спал там, если выпимши. Там же и ели. Всей бригадой, тазик картошки, селедка, колбаса.

- Очень детское питание.

- Так я уже большой был, ходячий. – Плеснул жидкого мыла на губку, принялся оттирать кетчуп от тарелок. - Потом школа, со школы обратно к бабке в мастерскую, до вечера. Картошку чистить по-белорусски научился, драники на всех готовил. Домашку там делал на верстаке.

- А сейчас она где? – спросил Деркач.

- На Южном кладбище где-то.

- В смысле «где-то»?

- Тебе точный адрес сказать? - спросил Никитин, ополаскивая тарелки под краном. - Где-то значит где-то. Среди таких же бабок. Ну что ты смотришь? На Южном. Записано где-то место. Но мать съездила через год, а через два уже не нашла. Заросло всё. Крестами. Ну и забили на это дело.

- Ни хера себе родственнички.

Он расставил тарелки в сушильную сетку и принялся натирать вилки вафельным полотенцем.

- Я тогда в четвертом или в пятом был. Не въезжал в ситуацию. Да мне особо и не докладывали, что и как. Не детское дело как бы. Только подслушивал разговоры матери с подружками. Они тоже так на неё вылупились, как вы. А я сейчас прекрасно ее понимаю. Прикинь, там был инсульт, полный паралич, матери сказали – забирайте, лечить бесполезно, она уже не встанет. Но мать подумала-подумала - а куда забирать? Кто смотреть за ней будет? Оставила в больнице. Оттуда и увезли на Южное.

- Куда забирать? – повторил Деркач. – Это же просто инсульт! У вас тут море места! Куда забирать!

- А соседи, пять семей, алкашня многодетная? А сидеть с ней кому? Мать на работе пропадает, я в школе, а в больнице медицина, люди в белых халатах ... Не всё равно, где умирать? Тем более, где лежать? Свечку в церкви ставим, записочку подаём. Я свою бабуку помню и без могилы. Да вообще, вся её родня тоже так. Она где-то на Южном, а они где-то на Пискаревском.

Деркач мрачно раскачивался на стуле.

- А у меня нет бабушки, - сказала Воробьёва, нарушая тяжелую паузу. – И дедушки нет. Никого нет.

- У тебя коты есть, - утешил ее Никитин. – А у меня тут даже тараканов нет.

- Какие коты? Нет у меня никаких котов. Сама как бездомная кошка. Но дедушка с бабушкой, они в принципе есть, но не здесь. В смысле, в Казахстане остались, в Алма-Ате, не переехали.

- Почему?

- Им там хорошо. Говорят, что русская земля. Храм у них хороший. Ну, они типа верующие.

- И ты их не видела никогда?

- Никогда. И не увижу, старые они. Они однажды собрались, поехали. А поезд песком засыпало.

- Поезд? Может быть, пути?

- Ну, пути. Короче, не доехали. Они на верблюдах до станции чапали. И значит – не судьба. А моя там лейтенанта себе нашла, летчика-вертолетчика. И улетела с ним. Я тоже найду себе. С кем улететь.

- Я смотрю, у тебя нездоровая страсть к полетам, - сказал Держак.

- Дурак! Оба вы дураки! Всё! Я спать.

Наконец ушла! На свою, женскую территорию – с маленькой кухней, душем, с маленьким туалетом (мужчинам досталась большая кухня и большой туалет, совмещённый с ванной, что было отчасти удобно, отчасти не очень, по закону «Кто Первый Встал, Того и Тапки»). Ушла, дав мужчинам

долгожданную возможность посплетничать.

- Ты въехал, про какого Сережку она там орала? - первым спросил Деркач.

- Я тоже об этом думал.

- И?

- Серёжка из техноложки.

- И?

- Всё.

- Ты же с ней там сидел, ничего не мог узнать? А-а! Сосались? Точно, сосались! Воспользовался беспомощным состоянием, гы-гы...

- Я время засёк. Один на один мы с ней были ровно сорок секунд. Потом появился ты.

- Время он засёк! Если бы я не успел, она б уже летела. Причём вместе с тобой! Время он засёк... Короче, информации ноль.

- Зачем тебе?

- А тебе что, пофиг на козла, из-за которого она чуть не гикнулась?

- Техноложка... У нас в колледже нет технологов. Айтишники и мы, всё.

- У айтишников могут быть свои кликухи. Как этот говорил, Виктор Андреевич, «деревяшка». Так и у них может быть. Надо вычислить козла.

- Давай у Родниковой спросим. – Никитин открыл в

смартфоне их группу ВК. – Вот, она в сети. Не спит староста... Не знаю, что писать.

- Да что там знать! – Деркач выхватил смартфон. – Как ее там, Родникову? Настя?

Никитин пожал плечами.

- Ну, хотя бы примерно? Олеся, не Олеся... А, вспомнил. Ксюха. Так, пишу... «Ксюша! Больше никого не могу спросить. Доверяю только тебе. Знаю, ты никому...» Как Воробьёву зовут, забыл?

- Пиши «Воробьёва».

- «Мне кажется, у неё кто-то есть, я не хочу проблем никому, если знаешь, помоги мне...»

Ответ пришёл раньше, чем Никитин успел высмеять лицемерный пафос послания.

«Миша хорошо что ты написал. Когда ты забрал Тасю она была в огромном стрессе я просто с ума сходила за вас. Нет у неё никого нет раньше таскался за ней лаборант из института, старше ее, следил за собой, на красной машине ездил, приора называется, она с ним порвала давно, в день святого валентина она с ним порвала окончательно. Все у вас будет хорошо».

- «Приора»? Нормальная тачка, - сказал Никитин. И хлопнул себя по лбу: - Блин, Мак! Ты вообще, что ли? Ты не мог

со своего написать?

- Какая разница? – Деркач вернул ему смартфон. – Главное, что это не наш козел. Не из колледжа. За чужих мы не отвечаем. Если б кто-то из наших, могли предъявить. А так...

- А так? А так мне теперь Родникова предъявит!

Деркач не успел ответить, потому что прогудел его айфон.

- Ага. Лёва пишет: «Завтра подскочи к офису с утра, до 10, посмотрю. По фото не могу сказать, пощупать надо».

- Что за Лёва?

- Завтра увидишь. Наш агент в мире сокровищ.

Улеглись, наконец, спать.

Но Макс тут же приподнялся на локте:

- Миха, спишь?

- Да.

- Может, она прикалывалась? В смысле на балконе?

- Может.

- Из-за какого-то мудака себя вычеркнуть...

- Бывает.

- Помнишь, как Иванов? На первом курсе весной?

- Который вены в туалете резал?

- Ага, из-за той соски. Зло берет! – Максим привстал в постели. - Тоже не понимаю. Ну сказали тебе о ней, ну забей,

найди другую. Нет, побежал резаться.

- Он шрам татухой спрятать хотел. Рукав сплошной набил, а шрам всё равно видно.

- Да он показывал. Ладно, спать.

Деркач долго ворочался с боку на бок в разложенном кресле. Вытянул книгу со стеллажа, полистал.

- Знаешь, что я думаю? Вот если на ночь читать хотя бы по одной странице. Это ж какая будет польза для интеллекта, прикинь!

- Дать тебе толстую-толстую книгу? Чтоб интеллект был толще?

- Отвали.

И прочитал вслух:

«Собственно говоря, по-настоящему рассказать эту историю можно только в сопровождении джаза. Она поэтична от начала и до конца. Она начинается в дыму сигар, под звуки смеха, а кончается смертью».

- Что за книга?

- Чёрная. Цвет антрацит.

- А точнее?

- Переплёт тканевый. Страница 305.

- Спокойной ночи, читатель.

ЗВОНОК

Раньше Лариса Умильная всего боялась. Отца и учителей, пауков и Гелены, гололёда и грозы, боялась опоздать, боялась растолстеть, боялась одиночества... Но чем сильнее был страх, тем быстрее Лариса кидалась навстречу ему, чтобы победить. Подкармливала дачных пауков пойманными мухами. Дерзила секретарше, когда та ей выговаривала. Бежала по гололёду, падая и поднимаясь. Вместе с расплывшимися подружками наворачивала под чаёк булочку за булочкой. И отшивала любого, кто пытался подкатить. Наверно, это был не лучший способ борьбы со страхами. Но так уж она была устроена.

А сейчас ей надо было ответить на звонок, которого она боялась и ждала уже два с половиной года.

Звонок застал её в самое неподходящее время и в самом неподходящем месте: в учительской перед совещанием, среди коллег-преподавателей и девчонок-мастеров.

Она сидела, как всегда, в уголке и читала архивную книжку.

«...Солнце, ещё не успевшее набрать всей полуденной силы своей, уже плавилось, словно расплавленное золото, на остриях шлемов, озаряя их дивным, почти сверхъестественным сиянием. По древней ионпийской дороге,

- Говорят, кто не пойдет на переподготовку, тех под сокращение... У брошюровщиков программа совсем другая... Учебные планы кто будет подгонять...

...тяжкой поступью сотрясая самую твердь земную,

двигалась когорта — единый железный организм, в коем каждый воин был лишь звеном великой цепи, а все вместе они дышали в такт мерным ударам тысяч сандалий, будто само время отсчитывало эти шаги.

- Да нет, комитет не пропустит... Нам тут лицензирование не пройти, потому что не соответствуем. Стрелкового тира нет, открытого стадиона нет, много чего нет, на окнах занавески, а должны быть жалюзи. Не жалюзи, а жалюзи. Ой, Галина Станиславовна, вечно придираетесь. Конечно, вам хорошо, русский язык, он и для инвалидов русский, а материаловедение... А тут будет гостиница.... Не гостиница, а общежитие для гостей колледжа... Не колледжа, а комитета... И не общежитие, а апартаменты... Да нам-то какая разница? Пусть творят, что хотят, а на правом берегу мне, например, ближе получается... И там программы упрощённые, а часов столько же

Лариса не прислушивалась, решив, что не будет никуда переходить, а просто уволится. Она чувствовала себя немного по-предательски из-за такого решения. «Ты уходишь? А как же дети? Ты их бросаешь? А ведь они тебя так любят!» - сурово бормотала совесть. Ответить было нечем. Но и стерпеть такое отношение тоже было невозможно. Можно же было заранее людей как-то оповестить, подготовить... Может быть, вообще дело не совсем законное, раз в тишине готовили и внезапно пустили в ход? Ведь так не делается... А как

делается? Вон Советский Союз точно так же взяли и ликвидировали – и что? Ничего нового, получается. Взять и ликвидировать, и начинать новую жизнь? Вот и начну, решила преподаватель Умильная. А дети? Дети найдут кого любить. А Лариса Кирилловна, которую они моментально забудут на новом месте – она вернется в театр (он ещё жив?), или на студию (ой, да на любую) – для неё работа везде найдется.

Она рассеянно перевернула пару страниц.

...Если мне будет позволено пофилософствовать, я бы охотно коснулся такого предмета как тайна. Наблюдая за людской суетой, я давно пришёл к выводу, что все тайны можно разделить на три рода. К первому относятся тайны в чистом виде. Речь о событиях, определенно происшедших где-то и когда-то, но об этом знают лишь боги. А смертным остается видеть только последствия таинственных шагов судьбы. – Гарвазий потянулся через стол и оторвал янтарную ягоду с виноградной кисти. – Тайны второго рода живут,нося доспехи неизвестности, лишь какое-то время. А затем вступают на перепутье. Они могут умереть вместе с теми, кто о них знает. Либо будут раскрыты по каким-то причинам.

- Боль и страх перед болью – вот эти причины, - мрачно заметил префект. – Каких только тайн не услышал я за годы службы. Но что за третий род?»

И вдруг звонок!

Проще всего было сбросить и не отвечать. Но, во-первых, разве это случайность, что Влад Гурский позвонил именно сегодня, когда она нашла книгу какого-то Гурского? А во-вторых - что, если он перезвонит?

А если не перезвонит?

И Лариса, похолодев от страха, ответила:

- Слушаю. Кто это?

И всё прошло. Ей самой понравилось, как прозвучал ее голос. Вежливо и равнодушно. «Кто это» - очень хорошо. За два с половиной года она вполне могла забыть, чей это номер высветился. Да, последний раз они говорили в мае семнадцатого, сразу после праздников. И тогда Лариса в шутку грозилась явиться на его свадьбу. А он всерьёз испугался, он очень берёг свою малолетку, старался оградить от проблем...

«Кто это» и его, видимо, заставило что-то вспомнить. Потому что заговорил он не сразу.

- Привет, малыш. Ты меня уже вычеркнула?

- Извини, это рабочий телефон, у меня столько родительских номеров, и дети тоже звонят, и да, я тебя вычеркнула. Ну, привет. А что случилось?

Он помолчал.

- Это рабочий? У тебя есть другой номер? Давай по нему позвоню.

- Зачем? Мы же уже говорим. Что случилось?

- Обязательно надо, чтобы что-то случилось? Просто так нельзя позвонить?

Лариса увидела, что мастера перестали обсуждать реорганизацию и смотрят на неё.

- Если хочешь увидеться, я работаю до шести примерно, - сухо сказала она. – Можем пересечься у метро, как раньше.

- Как раньше... - Его голос звучал странно. – Раньше я ходил.

- Не понимаю.

- Я просто хотел услышать твой голос. Узнать, что у тебя все хорошо. Вижу, ты вся в работе, в детях, в родителях... Как раньше.

- Да, нормально все. А ты как?

Она хотела мстительно спросить «как супруга поживает?», но коллеги не заслужили такого подарка.

- Да не очень, - в голосе слышалась усмешка. – Вот, лежу на химии, скучаю. Ходить не разрешают, читать нечего, можно только музыку слушать или по телефону говорить. Но недолго.

- На химии?

Лариса встала из-за стола, торопливо сгребая вещи в сумку:

- Ты где?

Он назвал адрес, она его машинально повторила, и в учительской стало ещё тише.

- Хорошо, к тебе пускают?

- Не знаю. У меня тут никого нет. В смысле, тут, в городе...

- Я сейчас приеду. Что тебе привезти?

- Ничего не надо. Ну, сигареты. Нет, их не передадут. Ну, не знаю... Постой, малыш. Вспомнил! У тебя остался мой ноутбук? Он жив? В смысле, это ничего не значит, но...

- Все твои вещи на своём месте.

Лариса встала и пошла к выходу, прикрывая телефон ладонью.

- Я так и знал... Но... Я завтра позвоню... Тут товарищи подсказывают, что ты не успеешь, к нам до шести пускают. Постой, не надо ехать. Разве нельзя просто поговорить? Для чего люди старались, изобретали сотовую связь, аккаунты всякие...

- Я. Сейчас. Приеду.

В дверях она столкнулась с секретаршей.

- Кирилловна, ты куда?

- Мне надо.

- У нас вообще-то важный вопрос на совещание поставлен... Важный, я серьёзно, Лар.

- Мне надо.

И исчезла.

Ларису бил озноб. Ей очень не хотелось сейчас куда-то ехать, хотелось забиться в уголок и зажмуриться. Но она крутила руль, дворами объезжая пробки, она рвалась со светофора на жёлтый свет, она долго ехала, а потом ещё дольше (так показалось) искала место для парковки. Здесь, на границе города, шёл дождь, и какой! Едва пристроив «сандерик» между огромными внедорожниками, она вышла – и мгновенно промокла. С неба рушились стены воды, и за грохотом дождя ей чудились далёкие раскаты грома.

И, конечно же, она опоздала. Она не увидит его.

Впрочем, все равно надо было передать вещи пациенту Владиславу Гурскому... Нет, она не знала отчества. А дата рождения? Адрес регистрации?

В памяти ярко вспыхнула картинка – визитная карточка. «Владислав Гурский, сценарист, режиссер». Нет, там не было отчества... Регистрация? Он жил у неё, пока не уехал, и она не догадалась посмотреть в его паспорт – и как же мама

её честила за это!

- Да вы ему позвоните, - посоветовала женщина в сиреновом комбинезоне. – Только не сейчас. Вы с утра созвонитесь, всё уточните и приезжайте. А сейчас у них процедуры.

Лариса измученно опустилась на единственный свободный стул. Огляделась. Все эти люди тоже опоздали? Чего они ждут? Почему не уезжают?

- В первый раз всегда так, - проговорила женщина рядом. – На самом деле лучше не приезжать. Только нервы тратим.

- Но вы...

- Не приедешь, потом мучаешься. На самом деле мне мой запретил. Не хочет, чтоб я его видела, идиот. А я всё равно. Спрашиваю, чего привезти – ничего, говорит, не надо. Им только деньги нужно переводить. Капельница. Обезбол. Депрессанты.

- Антидепрессанты?

- Ну да. На самом деле только деньги.

- Хорошо, - Лариса подняла голову. – Это я могу.

- Это самое простое, да. Главное, не считать. Если всё считать...

- Да-да, я понимаю, - сказала Лариса. – Я все понимаю. Лучше не считать... А примерно сколько на первое время?

- Смотря куда. Ну на первое время тысяч тридцать...

«Только-только кредит закрыла, - подумала Лариса. — Удачно получилось, можно новый взять. Машину продать, пока новая, хорошо уйдет... Жалко, только привыкла...»

- Есть кто до Гурского? — спросили откуда-то из угла.

- Я! — она встрепенулась и поднялась. — Я! Это я!

Мужчина в больничном халате, прихрамывая, подошёл к ней.

- Давайте, я отнесу.

Лариса опустила в пакет с вещами и ноутбуком книгу, которую прихватила из архива.

- Вот! И скажите, что я всё сделаю. Так и скажите. Я всё сделаю!

— *Что означают ваши слова? — вскричала г-жа де Баржесон.*

— *Я понял, вы любите Люсьена, — продолжал он ласково, с покорным видом. — Нужно до забвения рассудка полюбить человека, чтобы пренебречь всеми приличиями, а вам они хорошо известны*

(переплёт тканевый, цвет гелиотроп, страница 150)

НИЩЕБРОДЫ-ШТРАФНИКИ

В четверг, разгрузив с утра фуру у магазина, да откатив

мусорный контейнер, да убрав снег, если есть – короче, в четверг можно валяться до обеда: по расписанию практика, на которую можно и не ходить, в издательстве только рады будут, что никто под ногами не мельтешит... Но сегодня практика на чердаке, инвентаризация. Предстоят поиски ценных экземпляров и их присвоение с целью реализации (план Деркача), или с целью пополнения домашней коллекции (план Никитина) или никуда не идти и весь день валяться дома без цели и без смысла, потому что всё тлен в этой бесцельной и бессмысленной жизни (план Воробьёвой).

Деркач с удивлением узнал, что гречневая каша с тушенкой не только съедобна, но и вкуснее, чем хлопья с молоком. Воробьёва, в материнском халате, позёвывая и прикрываясь ладошкой, стояла в проёме и смотрела, как мальчишки завтракают – девочки завтракают не так, вы уйдёте, тогда я спокойно поем, и я вообще не ем по утрам, и ДА, вообще не ем! Ей просто интересно, как устроена нищесборная кухня Никитина.

Вот последняя банка квашеной капусты. Было много. Сам солил в октябре. Источник витаминов. И рассола для девочек, немного подгулявших вчера.

Вот пожизненный запас дошиков, их покупает мать (Воробьёва уважительно: «О-о, Роллтон»). Но это безумно дорого. Сам он держит в стеклянных банках гречку, вермишель, рожки, рис. Есть НЗ – дюжина банок белорусской ту-

шенки. Сухое молоко – оно лучше жидкого, которое тоже делают из сухого.

Чай не в пакетиках, только россыпью. Его здесь пьют без сахара, иногда с медом и корочками хлеба, которые по химическому составу эквивалентны любому пирожному. В банках с надписью «мука» находится мука, «соль» - соль. Корочки хлеба в бумажных пакетах из-под хлеба, в коричневых – ржаные, в серых – другие.

Деркач не выдержал:

- Ну ты душила!

- А когда в банке для муки насыпана сода – это лучше? А у нас и не такое было.

Воробьёва вставила из-за двери:

- В ванной аптечка с красным крестом, сразу понятно, чья. А мамина аптечка... Вообще не аптечка, а старый аквариум с таблетками.

- Террариум, - сказал Никитин. – Ящерица Клавдия жила когда-то. А теперь, да, там живут таблетки. Мне пофиг. Перепутает однажды хлористый кальций с цианистым калием, сама будет виновата.

- Дурак!

- Да ладно вам! – Деркач встал, довольно похлопывая по животу. - Всё было очень вкусно, спасибо. А то дома эти хлопья. Хорошо, по дороге есть кей-эф-си, там добираю поесть по-человечески.

- А сразу нельзя? Зачем есть то, что тебе не подходит?

- Зачем, зачем... В Америке все так едят. Когда перееду, чтоб не привыкать.

- Ты хочешь уехать в Америку? - спросила Воробьёва из-за полукоткрытой двери.

- Все хотят уехать в Америку.

- Я вот не хочу.

- Я тоже, - сказал Деркач. – Меня никто не спрашивает. Верхушка решает.

- Что там делать будешь?

- У компании контракт с американцами, буду жить у местных в семье, подтягивать английский. Сдам «тойфель», поступлю в школу Майерска, два года учебы, два года стажировки. Потом вернусь в Питер, в компанию. – Макс замолчал, разглядывая Воробьёву. – Ты с новой прической.

- Ничего не с новой, просто в пучок связала.

- Тебе так лучше.

- Волосы – неотразимое оружие женщины, - изрек Никитин. – А я сам себя стригу.

- Это заметно, - сказала Воробьёва. – Ходишь, как беглый каторжник.

- На каторгу очень достойных людей отправляли.

- Что бы вы понимали... Как меня достали эти волосы... Сколько с ними возиться. Вот помню в садике однажды у кого-то вшей нашли. И нас всехналысо. Как было хорошо!

- Хочешь, я найду у тебя вшей? – вкрадчиво спросил Дер-

кач.

Дверь захлопнулась.

Уходя, Никитин проинструктировал Воробьёву. Она остаётся: ей долго собираться – краситься, мыться и т.д. Дверь она запрет одним из дюжины ключей, оставшихся от соседей.

- Можно, я этот возьму? С зайчиком?

- Да бери, какой хочешь. Отдашь в понедельник на парах.

Мы сегодня и завтра в архиве.

- В каком архиве?

- Да в нашем, на чердаке.

- Что там делаете?

- Штрафники мы. Отрабатываем за курение.

На пороге Никитин столкнулся с каким-то господином в шляпе. Тот как раз водил пальцем над рядами кнопок, явно пытаясь угадать нужный звонок, и едва успел отступить от распахнувшейся двери.

- Э..., а я могу поговорить с Верой Николаевной?

- Её нет.

- Да? Странно. Как же так? - он снял шляпу, растерянно повертел в руках, снова надел, поправил. Снова снял. – Сама же назначила. Чтоб я ее на работу подвез. Странно... А ты,

я полагаю, сынок ее?

Деркач протиснулся вперед мимо Никитина:

- А вы кто?

- Значит, нет дома. Восемь часов утра. Странно. Где же она может быть?

- А вы кто? – громче спрашивает Деркач. – А впрочем похер. Воробьева, запирайся, никому не открывай. Миха, выдвигаемся!

Хлопнув дверью, они сбежали, оставив растерянного господина мять шляпу на лестнице.

Маршрут был прост: сначала – в офис на Тамбовской. Там в «пассат» подсел сморщенный человечек, обитающий внутри огромного чёрного костюма с бейджиком. Увидев Никитина, он протянул ему сухую ладошку:

- Леонид.

- Это Михаил, - быстро сказал Макс, - мой консультант и партнер. Вот товар, посмотри, есть перспектива?

Перелистав и понюхав книжку, Леонид хмыкнул, почесал бровь и важно произнес:

- Скажу так: не Фаберже. Да, не Фаберже, но и не тухлое яйцо. Экслибрис пробивали?

- Какой? Там штамп стоит какого-то учебного комбината.

- Штамп роли не имеет, а вот это – следы экслибриса. Приглядитесь, погуглите. За такими закорючками иногда тыся-

чи баксов прячутся. Но это, конечно, маловероятно. Хотя... Сам я этим заниматься не буду, но с человеком сведу.

- Человек местный? – спросил Макс.

- Проездом в Питере. Так-то он по картинам, но иудаика тоже в кругу интересов.

- Иудаика? В переговорке с ним буду. Будем. Мы с партнером.

Никитин почувствовал, что сейчас надо кивнуть с важным видом. Это ему удалось.

- Когда? - спросил Леонид.

- В субботу, офис пустой будет.

- Отпадает. В субботу человек вообще от всего отпадает.

- Воскресенье?

- Посмотрим, я спрошу.

- Значит, так, Лёва, - сказал Максим Деркач. - Он не может в субботу, это принимается. Но тогда воскресенье, без вариантов.

- Вас понял, Максим Геннадьевич. За мной – контрагент, за вами предпродажка, маркетинг, товарный вид... Набери меня сегодня вечером, согласуем.

*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.